

СВЕТ НЕРАВНОДУШНОГО СЕРДЦА

АКАДЕМИКУ РАМН ЮРИЮ БОРОДИНУ – 70 ЛЕТ

Юбилейные торжества бывают разными. И нередко — очень официальными и деловыми. А вот юбилейному дню академика РАМН Юрия Ивановича Бородина сопутствовала атмосфера исключительной искренности и теплоты. Поздравить, сказать добрые и сердечные слова исследователю и врачу, коллеге и учителю, другу и соратнику, партнеру прибыли представители почти что неисчислимого количества академий, институтов, клиник, медицинских центров, ассоциаций, советов, комиссий, кафедр, администраций, фирм со всех концов Сибири и России, из стран ближнего зарубежья.

Поздравители шли к трибуне стройными многочисленными рядами. Это не метафора — с каждым поздравлением на сцену выходили целые группы с огромными букетами, корзинами цветов, подарками. Вспоминались эпизоды из разных лет жизни, совместного сотрудничества, звучали стихи, шуточные пожелания... Но, конечно, не только. Поток признательных слов учеников и высочайших оценок многолетнего плодотворного труда на поприще науки был просто неиссякаемым. Все речи и поздравления вместе с академиком Ю. Бородиным принимала его жена Галина Ивановна. Торжество в конференц-зале Президиума СО РАМН продолжалось свыше трех часов.

И уже в конце этого трудного юбилейного дня академик Ю. Бородин дал интервью корреспонденту НВС.

- Юрий Иванович, в поздравлениях ваши коллеги с большим уважением сказали, что вы подошли к достойной и красивой дате. Вы шли к ней и как врач, и как исследователь, и как администратор. А кем вы сами себя прежде всего чувствовали все эти годы?

- В основном, все-таки исследователем, ученым. Если бы это было не так, моя жизнь развивалась бы вообще по другому сценарию, потому что неоднократно обстоятельства складывались так, что я мог бы прожить совсем иную жизнь. В каждой из трех названных сфер — медицина, наука, административная работа — я все время был кем-то. Наверно, потому что всегда был человек рослый, здоровый, и меня как-то сразу замечали... По комсомольской линии: а вот пусть Бородин будет комсоргом... Да и дальше — мне было тридцать лет, и хотя это не так уж особенно много для медика, но ведь я тогда стал парторгом большого института. Это же колоссальная работа, очень большой объем. И если бы я не чувствовал уже тогда свою основную сверхзадачу, наверно бы открылись совершенно другие направления роста: членство в райкоме, горкоме, обкоме и так далее. Но мне не захотелось продвигаться по этому пути. И, тем не менее, опять через какое-то время передо мной возникло искушение — я стал ректором мединститута... В это же время очень приглашали в Москву, но я не поехал.

- Видимо, от работы в науке вы получали больше радости и удовлетворения, нежели от чего-то другого?

- Совершенно определенно. И когда меня буквально насильно оторвали от науки — ведь я стал депутатом и членом Верховного Совета вопреки своему желанию, в то время как другие к этому стремились — то, конечно, мог бы увлечься этой деятельностью и остаться в Москве. Мне там, кстати, очень разные варианты предлагали. И в Верховном Совете, и в Министерстве науки, вплоть до министерской должности... Я пробыл в Москве два с половиной года, но каждую неделю, в крайнем случае, раз в две недели бывал здесь. И это несмотря на все перипетии того времени, ведь 1989- 1992 годы вообще были очень сложными для всех нас...

- Значит, вопреки своей воле?

- Вопреки. Меня пригласили в ЦК партии, потому что это была номенклатура ЦК, со мной высокопоставленный чиновник разговаривал, и когда он спросил: "Вы хотите быть ректором?" я ответил: "Нет, не хочу". Но ведь я был членом партии...

- Может, не стоило так сопротивляться? Все-таки это открывало вам возможности делать что-то, как организатору...

- В общем-то, да, конечно, но я-то сам все время оставался исследователем, профессором. Это было для меня важнее.

- Юрий Иванович, учитывая, что единственный в стране институт лимфологического профиля вы организовали, можно сказать, совсем не так уж давно, и что отечественная лимфология стала развиваться, как я понимаю, тоже в последние годы, то, значит, вы фактически оказались как бы пионером в этой области. Скажите, чем диктовалось развитие этой науки? Существовала какая-то общественная необходимость?

- Для меня все начиналось довольно просто. Я оказался человеком, которому выпал карт-бланш. Попал после института на кафедру анатомии к известному анатомолимфологу профессору Ромодановскому и “заразился”, загорелся его идеями.

- Вам, получается, повезло, вас на всю жизнь “зажег” учитель. Но институт — это целая громадная идея!

- Видите ли, с течением времени я стал понимать, что лимфология, как наука, будет продолжать “буксовать” до тех пор, пока не появится возможность под одной крышей собрать всех, кто заинтересован в ее развитии с позиций морфологии, физиологии, биохимии, фармакологии, клиники, потому что эта наука —синтетическая. Лимфологией занимаются во всем мире, но занимаются дробно — где-то в анатомическом плане, где-то в физиологическом... Вот сегодня приехали на юбилей ученые из Казахстана. Это не случайные контакты. Там существует Институт физиологии, кстати, единственный институт, в тематике которого развивается лимфофизиология. Но там физиологи в одиночестве... А у нас, в нашем институте рядом работают физиолог, морфолог и клиницист, поэтому у нас больше возможностей для того, чтобы строить определенные гипотезы, чтобы их проверять. Да и чтобы все это “обкатывать”, нужен междисциплинарный подход.

- Но если институту всего около десяти лет...

- Восемь лет... Хотя, на самом деле, это формально. Есть своя большая предыстория. Институт вырос как бы постепенно — сначала была кафедра, затем кафедра плюс лаборатория, потом лаборатория, и далее — отдел.

- Понимаю, вы нарабатывали научную школу лимфологов.

- Конечно, процесс этот шел целых пятьдесят лет. И все они — за спиной нашего института.

- Знаете Юрий Иванович, а ведь в массовом сознании представления о лимфологии довольно-таки темные и невежественные. И если каждый из нас что-то знает о нервной и кровеносной системах, о желудке и печени, о почечных коликах и так далее, то о лимфатической системе в общих представлениях зияет пустое место. Как вы представили бы ее в популярной форме?

- Лимфатическая система — это резерв воды. Без этой воды нет жизни клетки. И вот стабилизация этого, как мы говорим, водного гомеостаза, то есть,

равновесия, определяет функции лимфатической системы... Далее наслаивается еще много функций, но главная —обеспечение водой. В равновесии: не больше и не меньше. Больше — будет отек, меньше — усыхание.

- А какой орган является управляющим для лимфатической системы?

Здесь столько схем управления... Все это очень сложно и является темой совершенно отдельного разговора. Есть много регуляторных механизмов, вплоть до существования специального лимфомоторного центра в продолговатом мозге, являющегося частью вазомоторного центра... Кстати, открыто это тридцать лет назад, но почти никому неизвестно.

- Юрий Иванович, а предмет вашего нынешнего интереса, эндоэкологию, как назвать — учение, направление?

- Эндоэкология — это, прежде всего, учение о внутренней среде организма. Здесь две стороны. С одной: эндоэкология есть внутренняя среда для всего организма, но, с другой стороны: она же является внешней средой для отдельной клетки. В целом, эндоэкология — учение о внутренней среде организма и внешней среде отдельной клетки.

- К вопросу о “среде” — Юрий Иванович, вы счастливы в личной жизни?

- Да, конечно. У нас прекрасная семья. С Галиной Ивановной мы женаты сорок шесть лет, она — врач по профессии, окулист. С ее стороны я всегда находил поддержку во всем, и, наверно, это и она создавала меня в том виде, каким я получился к юбилею.

Юрий Иванович, “Наука в Сибири” присоединяется к поздравлениям с юбилеем и присуждением премии Правительства РФ в области науки и техники.

Можно только пытаться представить, сколько всего сделано Юрием Ивановичем Бородиным за почти полвека работы в науке. Можно отдельно рассказывать о его почти десятилетней деятельности на посту ректора Новосибирского мединститута, о годах работы директором Института экспериментальной биологии и медицины СО АН СССР, о многолетнем периоде руководства Сибирским отделением РАМН, и конечно, о созданном им Институте клинической и экспериментальной лимфологии СО РАМН. Возможно, именно это последнее десятилетие оказалось самым творческим и результативным. Исследователь и врач Юрий Иванович Бородин сформулировал представления об экологической и профилактической лимфологии в рамках концепций “лимфатического региона” и “искусственной модели лимфатического узла”. Логическим развитием этих концепций оказалась серия работ об эндоэкологии и месте в ней лимфатической системы. Результатом и перспективной научно-практической разработкой стала эффективная программа эндоэкологической реабилитации, которую уже используют санаторно- курортные организации Алтая и Новосибирской

области. А новые современные представления о лимфологии стали определять позиции практической медицины в этой области.

...Среди строк, написанных к юбилею коллегами и друзьями, есть такие: “Юрий Иванович является образцом современного руководителя, умеющего ломать сложившиеся стереотипы во имя прогресса науки. Его талант организатора — демократичного, бережного к людям, высококультурного и высокопрофессионального —соответствует основному кредо работы с людьми: возвышать и окрылять человека, переживающего сложную ситуацию, чутко вникать в нужды обратившихся за помощью. Это характер мягкий и строгий, добрый и ранимый, простодушный и философичный, и всегда очень интеллигентный. Таким мы, современники, знаем его и любим. Многочисленных соратников и учеников Юрия Ивановича привлекает не только высокий уровень научного поиска, но и обаяние, щедрость человеческой природы. Вся его научная работа и общественная деятельность — отраженный свет неравнодушного сердца”.

Подготовила Ольга УШАКОВА, “НВС”.

Фото В. Новикова.

Источник:

О. Ушакова «Свет неравнодушного сердца» // [Наука в Сибири](#). - 1999. - N 13.
- С.2.